

Соленый ветер

Автор:

[Сара Джо](#)

Соленый ветер

Сара Джо

Зарубежный романтический бестселлер

Остров Бора-Бора, 1943 год. Анна Кэллоуэй решает сбежать от наскучившей тепличной жизни и отправляется в качестве военной медсестры с подружкой Кити на острова Французской Полинезии. Но вскоре подружки начинают отдаляться друг от друга. Анна знакомится с Уэстри Грином, обаятельным солдатом, которому удается развеять ее тоску о доме и о потерянной дружбе. Однажды они находят неподалеку от дикого пляжа старую заброшенную хижину, в которой когда-то жил известный художник. Пытаясь сохранить находку и свои зарождающиеся чувства в тайне, они становятся свидетелями жуткого происшествия... Сиэтл, наши дни. Женестьева Торп отправляет на имя Анны Кэллоуэй письмо, в котором говорится об убийстве, произошедшем много лет назад на острове Бора-Бора. Женестьева намерена пролить свет на случившееся, но для начала ей нужно поделиться с Анной важной информацией...

Сара Джо

Соленый ветер

Джейсону, в память о нашем бунгало.

Я люблю тебя.

Sarah Jio

The BUNGALOW

Copyright © Sarah Jio, 2011

© Сорокина Д., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Положите листок бумаги в тонкий конверт, запечатайте его, прикоснувшись языком к клейкой кайме, и отправьте по адресу. Пока письмо не попадет в нужный ящик, к нему прикоснутся десятки людей, оно проделает путь в тысячи миль, а потом незаметно уляжется между двадцать девятой и тридцатой страницами ненужного каталога, поджидая ничего не подозревающего адресата. Но адресат небрежным движением руки выбросит журнал с таящимся внутри кладом в мусорную корзину. Там, рядом с недопитым пакетом молока, пустой бутылкой из-под вина и вчерашней газетой затаится в ожидании клочок бумаги, который может изменить всю жизнь.

Письмо предназначалось мне.

Пролог

– Привет!

Я испуганно открыла глаза, услышав знакомый голос – приятный, но совершенно неуместный. Дженнифер, моя внучка. Где я? Точнее, что она здесь делает? Я рассеянно заморгала. Мне снились песчаные пляжи и кокосовые пальмы. Туда

всегда стремится мое подсознание, и на этот раз мне повезло: удалось отыскать пейзаж в архивах собственной памяти.

Конечно, там был и он – в униформе, со смущенной улыбкой. Волны бились о берег, я слышала их мощные удары и шипение миллиардов пузырьков, целующих песок. Сжав веки, я вновь увидела его, он стоял в сонном дурмане, который развеивался слишком быстро. Не уходи, молило сердце. Остайся. Ну, пожалуйста. Он послушно появился вновь, с той самой манящей улыбкой, все так же протягивая ко мне руки. Во мне пробудилось знакомое волнение, страстное желание.

А потом он исчез.

Я вздохнула и, ругая себя, посмотрела на часы. Половина третьего. Должно быть, я задремала за книгой. Опять. Настоящее проклятие старости. Немного смутившись, я приподнялась в кресле и отыскала роман, который читала. Он лежал на полу корешком вверх.

На террасе появилась Дженнифер. По улице прогремел грузовик, окончательно разрушив умиротворение.

– Ах, вот ты где, – сказала она, улыбаясь дымчато-кариими глазами, так похожими на дедушкины. Сегодня на ней джинсы и черный свитер со светло-зеленым ремнем на стройной талии. Светлые волосы отражают солнечные лучи. Дженнифер не подозревает, насколько красива.

– Привет, милая, – поздоровалась я, протянув руку. Обвела взглядом террасу, простые глиняные горшки с голубыми анютиными глазками. Их очаровательные головки выглядывали из земли, словно смущенные, раскаявшиеся дети, застигнутые за игрой в неподобающем месте. Вид на озеро Вашингтон и очертания Сиэтла вдали – красивый пейзаж, но холодный и чопорный, словно картина в кабинете зубного врача. Я нахмурилась. Как я вообще оказалась в этой крошечной квартирке со строгими белыми стенами, телефоном в ванной и красной тревожной кнопкой возле унитаза?

– Я кое-что нашла в мусорном ведре, – сообщила Дженнифер. Звук ее голоса заставил меня вернуться к реальности.

Я пригладила седые, тонкие волосы.

- Что же, милая?

- Письмо. Должно быть, попало в рекламную прессу.

Мне не удалось сдержать зевка.

- Оставь его на столе. Потом посмотрю.

Я села на диван, перевела взгляд с кухни на свое отражение в окне. Пожилая дама. Я видела эту даму каждый день, но отражение не переставало меня удивлять. Когда я в нее превратилась? Я провела рукой по морщинам на лице.

Дженнифер села рядом.

- Надеюсь, твой день прошел лучше, чем мой?

Моя внучка завершала учебу в магистратуре Вашингтонского университета, и она выбрала необычную тему для дипломной работы: малоизвестное произведение искусства, размещенное в кампусе. Бронзовая скульптура молодой пары, подаренная неизвестным художником в 1964 году, с простой надписью: Гордость и Предубеждение[1 - Аллюзия на название романа английской писательницы Джейн Остин «Гордость и предубеждение», вышедшего в свет в 1813 г. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания редактора.)]. На Дженнифер эта скульптура произвела такое сильное впечатление, что она решила узнать имя автора и историю создания скульптурной композиции, но долгие исследования не принесли практически никаких плодов.

- Как твои исследования, дорогая?

- Ничего нового, - со вздохом сообщила она. - Я расстроена. Мы так много работали. - Она покачала головой и пожала плечами. - Не хочется в этом признаваться, но, похоже, мы взяли ложный след.

Мне одержимость искусством знакома не понаслышке. Дженнифер не знала, что я провела большую часть жизни в тщетных попытках разыскать картину, попавшую ко мне в руки много лет назад. Желание увидеть ее вновь щемило мне сердце, и я всю жизнь вела переговоры с торговцами предметами искусства и коллекционерами. Но полотно все же ускользнуло.

– Понимаю, как тяжело это принять, милая, – мягко начала я и взяла внучку за руку, зная, как важен для нее проект. – Но некоторым историям не суждено быть рассказанными.

Дженнифер посмотрела на меня.

– Наверное, ты права, бабушка, – со вздохом признала она. – Но я не хочу сдаваться. Во всяком случае, не сейчас. Эта надпись сделана не случайно. А шкатулка, которую держит юноша, закрыта, и в архивах нет никаких записей о ключе. Значит, – внучка с надеждой улыбнулась, – может быть, что-нибудь есть внутри.

– Восхищаюсь твоим упорством, дорогая, – сказала я, нащупав на шее золотую цепочку. Я берегла и носила медальон долгие годы. Кроме меня, только один человек знал, что в нем спрятано.

Дженнифер снова подошла к столу.

– Не забудь про письмо, – напомнила она, взяв в руки конверт. – Взгляни, какая яркая марка. Оно, – она замешкалась, читая почтовый штамп, – с Таити.

Мое сердце заколотилось, я подняла взгляд, украдкой посмотрев на письмо, которое держала в руках Дженнифер.

– Бабушка, кого ты знаешь на Таити?

– Дай посмотреть, – попросила я, медленно приблизившись к ней.

Я увидела простой белый конверт, слегка влажный от молока, пролившегося из пакета, и покрытый малиновыми пятнами каберне, которое мы пили вчерашним вечером. Ни почерк, ни обратный адрес мне не знакомы. Кто мог написать мне с

Таити? И зачем? И почему сейчас?

- Не хочешь его открыть? - поторопила Дженнифер, обнаруживая явное нетерпение.

Я продолжала держать конверт дрожащими пальцами, рассматривая экзотическую марку с девочкой-таитяжкой в желтом платье. Меня охватили воспоминания, которые, казалось, готовы были захлестнуть мое сознание, но усилием воли я вырвалась из их плена.

Я решительно вскрыла конверт:

«Дорогая миссис Годфри,

Простите за навязчивость. Я искала Вас много лет. Насколько я знаю, Вы служили медсестрой на базе Бора-Бора во время войны[2 - Во время Второй мировой войны после атаки японской морской авиации на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 года Бора-Бора стал важной базой снабжения США в южной части Тихого океана. Тем не менее во время войны база ни разу не подвергалась атаке и в 1946 году была расформирована.]. Если я права и Вы действительно та, кого я ищу, мне очень нужно с Вами поговорить. Я выросла на острове Таити, но вернулась сюда только теперь, надеясь разрешить загадку, занимавшую меня с детских лет. Вечером 1943 года на пляже Бора-Бора было совершено ужасное убийство. Меня так потрясла эта трагедия, что я начала писать книгу о событиях, предшествовавших этому случаю, во многом навсегда изменившему остров.

Я смогла разыскать записи о вольнонаемных служащих и заметила, что в тот день, в день трагедии, Вас освободили от службы. Возможно, совершенно случайно Вы вспомните тот вечер, вдруг Вы видели кого-нибудь или что-нибудь на пляже? Прошло много лет, но вдруг вспомните... Любая маленькая деталь может помочь восстановить справедливость. Я молюсь, чтобы Вы обратили на мою просьбу внимание и связались со мной. И еще - если когда-нибудь решите вернуться на остров, я нашла здесь кое-что, что принадлежало Вам, и, возможно, Вам захочется это увидеть. Надеюсь на встречу.

Искренне Ваша,

Женевьева Торп».

Я уставилась на письмо. Женевьева Торп. Нет, я ее не знаю.

Незнакомка. И, похоже, устраивает мне неприятности. Я задумалась. Не придавай значения. Все это было слишком давно. Вернуться в те дни? Пережить все заново? Я крепко зажмурилась, пытаюсь освободиться от нахлынувших воспоминаний. Да, можно просто не придавать значения. Это не судебный запрос, не уголовное расследование. Я ничего не должна этой незнакомке. Можно просто выбросить письмо в мусорное ведро и покончить с этим. Но потом я вспомнила последние строки: «если Вы когда-нибудь решите вернуться на остров, я нашла здесь кое-что, что принадлежало Вам, и, возможно, Вам захочется это увидеть. Надеюсь на встречу».

И без того растревоженное, сердце заколотилось еще сильнее. Снова вернуться на остров? Мне? В моем-то возрасте?

– Бабушка, все в порядке? – Дженнифер наклонилась и обняла меня за плечи.

– Все хорошо, – заверила я, взяв себя в руки.

– Хочешь об этом поговорить?

Я покачала головой и засунула письмо в сборник кроссвордов, лежащий на кофейном столике.

Дженнифер взяла сумку и, порывшись, извлекла на свет большой конверт, мятый и потертый.

– Хочу тебе кое-что показать. Я хотела сделать это потом, но, похоже, – она глубоко вздохнула, – время пришло.

Она протянула конверт.

– Что это?

– Загляни внутрь, – медленно сказала она.

Я залезла в конверт и вытащила пачку черно-белых фотографий, сразу узнав верхнюю.

– Это же я! – Мне не удалось сдержать изумленный возглас. Я указала на девушку, одетую в белую униформу медсестры, она стояла на фоне кокосовой пальмы. Как же меня изумляли пальмы в первые дни пребывания на острове – почти семьдесят лет назад! Я посмотрела на Дженнифер.

– Где ты их взяла?

– Папа нашел, – ответила внучка, пристально глядя мне в глаза, – обнаружил, когда рылся в старых коробках. Он попросил меня вернуть их тебе.

Мое сердце забилося еще чаще, когда я увидела следующую фотографию – моя подруга детства, Китти, сидит на перевернутом каноэ на берегу, приняв позу кинозвезды. Китти могла стать кинозвездой. Вспомнив старую подругу, я почувствовала знакомую боль, которую не смогло излечить время.

В стопке были и другие фотографии: пляж, горы, пышная растительность. Но увидев последнюю карточку, я окаменела. Уэстри. Мой Уэстри. Вот он, верхняя пуговица униформы расстегнута, голова слегка наклонена вправо, на заднем плане – плетеная стена бунгало. Нашего бунгало. За свою жизнь я сделала тысячи фотографий, многие из них были забыты, но только не эта. Я помнила абсолютно все, даже запах вечернего воздуха – он был наполнен ароматом морского прибоя и нежных фрезий, цветущих под луной. Помнила и свои чувства, наши взгляды и что случилось потом.

– Ты любила его, да, бабушка? – Голос Дженнифер прозвучал слишком ласково, слишком обезоруживающе, поколебав мою решимость.

– Да, – ответила я.

– Ты и сейчас думаешь о нем?

Я кивнула:

– Я всегда думала о нем.

Дженнифер округлила глаза.

– Бабушка, что произошло на Таити? Что случилось с этим человеком? И письмо – почему ты так на него отреагировала? – Она взяла меня за руку. – Пожалуйста, расскажи.

Я задумалась. Почему бы не рассказать ей? Мне уже много лет. Особых последствий уже не возникнет, а если они и будут, я вполне смогу их перенести. Как же хотелось освободиться от этих секретов, выпустить их, словно летучих мышей с пыльного чердака. Я провела пальцем по золотой цепочке медальона и кивнула:

– Хорошо, милая. Но говорю сразу – сказки не жди.

Дженнифер села на стул рядом со мной.

– Отлично, – ответила она с улыбкой, – ведь я никогда не любила сказки.

– И в этой истории будут очень мрачные места, – продолжила я, сомневаясь в своем решении.

Она нахмурилась:

– Но конец-то счастливый?

– Не уверена.

Дженнифер озадаченно на меня посмотрела.

Я положила фото Уэстри на свет.

– История еще не закончилась.

Глава 1

Август 1942

- Китти Морган, ты этого не говорила!

Я так резко поставила бокал с холодным мятным чаем, что едва его не разбила. Мама будет рада, что я не испортила венецианский хрустальный сервиз.

- Сказала, и точка, - заявила она с улыбкой победительницы. На Китти, с ее личиком в форме сердечка и копной кудрявых непослушных светлых волос, постоянно выскакивающих из тщательно прилаженных шпилек, было просто невозможно злиться. Но в этом вопросе я проявила твердость.

- Мистер Гельфман женатый человек, - осуждающе напомнила я.

- Джеймс, - отозвалась подруга, нарочито растягивая его имя, - невероятно несчастен. Его жена неделями где-то пропадает, представляешь? И даже не говорит, где она находится. Она даже о кошках беспокоится больше, чем о собственном муже.

Я вздохнула, откинувшись на деревянную скамейку, что висела на огромном ореховом дереве в саду, раскинувшемся на заднем дворе нашего дома. Китти сидела рядом со мной. Мы с ней давно были подругами, еще с начальных классов школы. Я посмотрела вверх, на древесную крону - листья начинали желтеть, напоминая о неминуемой осени. Почему все непременно меняется? Казалось, только вчера мы с Китти были двумя школьницами, приходили, держась за руки, домой, оставляли книги на кухонном столе и мчались к скамейке, где болтали до самого ужина. Теперь, в двадцать один, мы - две взрослые девушки на пороге... Ну, на пороге чего-то - никто из нас не знал, чего именно.

- Китти, - я повернулась к ней лицом, - неужели ты не понимаешь?

- Что я не понимаю? - В платье с розовыми оборками и непослушными кудрями, что становились еще растрепаннее от полуденной влажности, она походила на

весеннюю розу. Я хотела защитить ее от мистера Гельфмана или любого другого человека, в которого она собиралась влюбиться, потому что никто не был достаточно хорош для моей лучшей подруги – и уж тем более не женатый мужчина.

Неужели она не знает о репутации мистера Гельфмана? Китти не могла не помнить о толпах девчонок, которые бегали за ним в средней школе, ведь он был самым привлекательным учителем в Лейксайде. На уроках литературы, когда он декламировал стихотворение Элизабет Барретт Браунинг «Как я люблю тебя?», каждая девочка надеялась поймать его взгляд. Я считала все это глупостями. Неужели Китти забыла, что случилось пять лет назад с Кейтлин Менсфилд? Как она могла забыть? Кейтлин – стеснительная, с большой грудью, ужасно глупая, – поддалась чарам мистера Гельфмана. Она слонялась возле учительской в обед и ждала его после занятий. Все гадали, что между ними происходит, особенно после того, когда одна из подружек заметила Кейтлин с мистером Гельфманом в парке после заката. Потом Кейтлин вдруг перестала ходить в школу. Старший брат сказал, она переехала к бабушке в Айову. И мы все догадывались, почему.

Я скрестила руки на груди.

– Китти, мужчины вроде мистера Гельфмана преследуют только одну цель, и, думаю, мы обе понимаем, какую.

Щеки Китти стали пунцовыми.

– Анна Келлоуэй! Как ты смеешь предполагать, что Джеймс...

– Я ничего не предполагаю. Я просто люблю тебя. Ты моя лучшая подруга, и я не хочу, чтобы тебе было больно.

Китти опечалилась, и несколько минут мы качались в тишине. Я засунула руку в карман платья и украдкой сжала спрятанное там письмо. Я забрала его на почте несколькими часами ранее, и теперь мне не терпелось ускользнуть в спальню и прочитать его. Письмо было от Норы, подруги из медицинского колледжа. Она каждый день писала мне с островов на юге Тихого океана, где служила медицинской сестрой. Они рассорились со вспыльчивой Китти во время последнего семестра, и я решила не рассказывать Китти о ее письмах. К тому же

не хотелось признаваться, насколько меня увлекают истории Норы о войне и о тропиках. Я читала письма, словно роман – иногда мне страстно хотелось взять недавно полученный диплом медсестры и присоединиться к ней, убежав от домашней рутины и необходимости принимать решения. Но я прекрасно понимала, что это лишь невыполнимая идея, просто мечта. В конце концов, я могу помогать приблизить победу и дома – работать волонтером в муниципальном центре или собирать консервы и участвовать в проектах по охране природы. Честно говоря, мне не хотелось отправляться в зону военных действий за несколько недель до свадьбы. Хорошо, что я не сказала Китти ни слова.

– Ты просто завидуешь, – наконец заявила Китти ледяным тоном.

– Ерунда, – возразила я, заталкивая письмо Норы поглубже в карман. Луч высоко сияющего в летнем небе солнца осветил бриллиантовое кольцо на моей левой руке, и оно вспыхнуло, словно огонь маяка в темной ночи, напомнив о неизбежном факте – я помолвлена. Окончательно и бесповоротно.

– Осталось меньше месяца до моей свадьбы с Герардом, и я очень счастлива.

Китти нахмурилась.

– Неужели ты не хочешь испытать в жизни что-нибудь еще, прежде чем стать, – она остановилась, словно собираясь с духом, прежде чем произнести очень сложные, неприятные слова, – прежде чем стать миссис Герард Годфри?

Я покачала головой:

– Дорогая, брак – не самоубийство.

Китти отвела взгляд, уставившись на розовый куст.

– Но может оказаться и так, – пробормотала она.

Я вздохнула, откинувшись назад.

– Прости, – прошептала она, повернувшись ко мне, – я просто хочу, чтобы ты была счастлива.

Я взяла ее за руку.

– И буду счастливой, Китти. Надеюсь, ты в этом убедишься.

На лужайке послышались шаги, и, подняв взгляд, я увидела Максина, нашу экономку, – она приближалась с подносом в руке. Несмотря на каблуки, она уверенно двигалась по траве, держа нагруженное серебряное блюдо одной рукой. Однажды папа назвал ее грациозной, и это было совершенно справедливо. Она будто бы плыла.

– Девочки, вам что-нибудь принести? – спросила Максина красивым голосом с сильным акцентом. Внешне она мало изменилась с тех пор, как я была девочкой. Маленькая, с мягкими чертами лица и огромными сверкающими зелеными глазами, а щеки пахнут ванилью. Волосы, теперь уже седеющие, все до единой пряди убраны назад, в аккуратный пучок. Она носила белый передник, всегда чистый и жестко крахмаленный, аккуратно повязывая его вокруг тонкой талии. У многих семей в округе была прислуга, но только мы наняли французскую экономку – мама не упускала случая обратить всеобщее внимание на этот факт.

– Ничего не нужно, спасибо, Максина, – поблагодарила я.

– Кроме одного, – заговорщически начала Китти, – убеди Анну не выходить за Герарда. Она его не любит.

– Это правда, Антуанетта? – спросила Максина. Мне было пять, когда она к нам устроилась, и, бегло меня оглядев, она тогда заявила: «Ты не похожа на Анну. Я буду звать тебя Антуанеттой». И я сразу почувствовала себя особенной.

– Конечно же, нет, – быстро возразила я, искоса бросив на подругу неодобрительный взгляд, – у Китти просто такое настроение. Я – самая везучая девушка в Сиэтле. Я выхожу за Герарда Годфри.

Мне действительно повезло. Герард был высок и невероятно хорош собой, с мужественным подбородком, темно-каштановыми волосами и карими глазами. И, ко всему прочему, богат, хотя меня это не слишком заботило. Зато мама нередко напоминала, что в двадцать семь лет он стал самым молодым вице-президентом в истории Первого морского банка, а значит, в дальнейшем непременно унаследует место отца. Нужно быть полной дурой, чтобы не принять предложение Герарда Годфри, и, когда он попросил моей руки под этим самым ореховым деревом, я сразу же согласилась.

У мамы от такой новости закружилась голова. Разумеется, они с миссис Годфри давно мечтали об этом союзе. Келлоуэи объединятся с Годфри. Это так естественно, как кофе со сливками.

Максин взяла кувшин холодного чая и наполнила наши бокалы.

– Антуанетта, – медленно начала она, – я когда-нибудь рассказывала тебе историю моей сестры, Жанетт?

– Нет. Я даже не знала, что у тебя есть сестра.

Я поняла, что многого не знаю о Максине.

– Да, – тихо, задумчиво продолжила она. – Она любила юношу, крестьянина из Лиона. У них была безумная любовь. Но родители хотели выдать ее за другого человека, он неплохо зарабатывал на фабрике. Она рассталась с крестьянином и вышла замуж за рабочего.

– Как грустно, – сказала я. – И больше она его не видела?

– Нет, – ответила экономка, – и всю жизнь была несчастна.

Я села, оправив платье из голубого крепа с поясом на лифе – оно было мне немного маловато. Мама купила мне его в одну из своих поездок в Европу.

– Очень грустно, мне жаль бедную Жанетт. Но меня это не касается. Видишь ли, я люблю Герарда. Он мой единственный.

– Конечно, ты любишь Герарда, – согласилась Максин, наклонившись за упавшей на траву салфеткой, – ведь вы вместе выросли. Он тебе как брат.

Брат. В этом слове было что-то жутковатое, особенно когда речь шла о будущем муже. Я вздрогнула.

– Милая, – продолжила она, поймав мой взгляд и улыбнувшись, – это твоя жизнь и твое сердце. Ты говоришь, что он твой единственный, вероятно, так и есть. Я просто хотела сказать, что, возможно, у тебя было маловато времени, чтобы его найти.

– Его?

– Твою истинную любовь, – просто сказала француженка. Эти три слова она произнесла естественно и неоспоримо, подразумевая, что это глубокое, сильное чувство доступно любому, кто ищет, – словно свисающая с ветки зрелая слива: подходи да бери.

Я почувствовала легкую дрожь, но списала ее на поднявшийся ветерок и покачала головой:

– Не верю я в эти сказки и во всяких рыцарей в сияющих доспехах. Я считаю, любовь – это выбор. Ты встречаешь кого-то. Он тебе нравится. И ты начинаешь его любить. Все просто.

Китти закатила глаза.

– Ужас, до чего неромантично, – простонала она.

– Максин, а ты что думаешь по этому поводу? – спросила я. – Ты когда-нибудь влюблялась?

Экономка протирала поднос, чтобы не оставалось мокрых следов от бокалов.

– Да, – ответила она, не поднимая глаз.

Меня охватило любопытство, и я не подумала, что воспоминания о былой любви могут быть для нее болезненны.

– Он был американец или француз? Почему вы не поженились?

Максин ответила не сразу, и я сразу пожалела о своем «допросе».

– Я не вышла за него, потому что он был уже женат.

На террасе послышались папины шаги, и все подняли глаза. Покуривая сигару, он направился по траве в нашу сторону.

– Привет, детка, – поздоровался он, улыбаясь мне сквозь густые усы, – я не думал, что ты вернешься домой до вторника.

Я улыбнулась в ответ.

– Китти уговорила меня приехать пораньше.

Я закончила обучение в Государственном университете Портленда еще весной, но мы с Китти остались на два дополнительных курса, чтобы получить лицензии медсестер. наших родителей очень беспокоили эти дипломы – не дай бог, мы вздумаем их использовать.

Герард же находил свою помолвку с дипломированной медсестрой, в общем-то, забавной. Наши матери не работали, как и все женщины в нашем окружении. Он шутил, что моих доходов не хватит даже на то, чтобы оплатить услуги водителя, который будет возить меня в больницу. Но обещал поддержать меня, раз я так мечтаю надеть белый чепец и ухаживать за больными.

На самом деле, я и сама не знала, чего хочу. Я выбрала сестринское дело, потому что это было полной противоположностью всему, что я так ненавидела в окружающей меня жизни: наши матери только и делали, что посещали званые обеды, обсуждали женскую моду, болтали со школьными подругами, после окончания школы беспечно шикующими в Париже или Венеции в поисках богатого мужа, который мог бы обеспечить им привычный уровень жизни.

Но я была совсем не такой. Я задыхалась в этих границах. Меня привлекало сестринское дело, несмотря на все тяготы и прозаичность. Оно позволяло мне осуществить давнее желание – бескорыстно помогать людям.

Максин прокашлялась.

– Уже ухожу, – сообщила она папе, молниеносно схватив поднос. – Принести вам что-нибудь, мистер Келлоуэй?

– Нет, Максин, – ответил он, – ничего не нужно, спасибо.

Мне нравилось, как он разговаривает с Максин – мягко и доброжелательно, а не поспешно и сердито, как мама.

Она кивнула, пересекла изумрудный газон и скрылась в доме.

Китти встревоженно посмотрела на папу.

– Мистер Келлоуэй?

– Да, Китти?

– Я слышала, опять набирают солдат, – она вздохнула, – на войну. Прочитала об этом в газете, пока ехала в поезде. Не знаете, призвали кого-нибудь из Сиэтла?

– Рано об этом говорить, Китти Кэт, – ответил папа, назвав подругу детским прозвищем, которое дал ей еще со школьных времен. – Но, судя по тому, что творится в Европе, думаю, скоро многие отправятся на фронт. Я сегодня встретил в городе Стивена Редклиффа, оказывается, близнецы Ларсон отправляются на фронт в четверг.

У меня внутри все сжалось.

– Терри и Ларри?

Папа торжественно кивнул.

Близнецы, на год младше нас с Китти, отправлялись на войну. На войну. Это казалось невероятным. Еще вчера они учились в начальной школе и дергали меня за косички. Терри был тихим мальчиком с веснушкам на щеках. Ларри – немного повыше и не такой веснушчатый, прирожденный комик. Эти рыжие мальчишки всегда были вместе. Интересно, позволят ли им выйти на поле боя плечом к плечу? Я закрыла глаза, пытаюсь отогнать подальше эту мысль, но было слишком поздно. Поле боя.

Папа словно прочитал мои мысли:

– Ты не переживай из-за Герарда, не волнуйся.

Герард не уступал в силе и мужественности всем моим знакомым ребятам, но я, как ни пыталась, не могла вообразить его где-либо, кроме как в банке, одетым в деловой костюм. Конечно, я за него тревожилась, но иногда мне хотелось увидеть его в военной форме, на поле боя.

– Его семья занимает слишком солидное положение в обществе, – продолжил отец. – Джордж Годфри проследит, чтобы его не призвали.

У меня внутри все бурлило: защищенность Герарда успокаивала меня и одновременно вызывала отвращение. Несправедливо, что мужчины из бедных семей воюют за свой народ, а привилегированное сословие уваливает от службы без особых на то причин. Джордж Годфри, банковский магнат с увядающим здоровьем, когда-то был сенатором, и Герард должен был унаследовать его место в банке. Мне было неприятно, что близнецы Ларсон рискуют жизнью в холодной зимней Европе, а Герард комфортно проводит время в теплом офисе на удобном кожаном кресле.

Тревога в моих глазах не ускользнула от папиного взгляда:

– Не беспокойся. Терпеть не могу, когда ты волнуешься.

Китти сидела, опустив взгляд и сложив на коленях руки. Наверное, думала о мистере Гельфмане. Он тоже пойдет на войну? Ему не может быть больше тридцати восьми – он достаточно молод для того, чтобы стать солдатом. Я вздохнула, мечтая, чтобы война поскорее закончилась.

– Мама сегодня ужинает в городе, – сказал папа, поглядывая на дом. Он встретился со мной взглядом.

– Дамы, окажете мне честь, отужинаете сегодня со мной?

Китти покачала головой.

– У меня встреча, – туманно отговорила она.

– Прости, папа, но я ужинаю с Герардом.

Отец задумался, и его взгляд вдруг стал сентиментальным:

– Вы стали совсем взрослыми. У каждой свои планы. А, кажется, еще вчера играли здесь в куклы...

Честно говоря, я скучала по тем давним, незамысловатым денькам, когда жизнь вращалась вокруг бумажных кукол, нарядов и чаепитий на веранде. Я застегнула пуговицу на свитере: мне вдруг стало холодно от ветра. Ветра перемен.

– Пойдем внутрь, – предложила я, взяв Китти за руку.

– Давай, – просто согласилась она. И мы снова стали прежними девочками: Китти и Анной.

* * *

Клубы сигаретного дыма, низко стелющиеся над столами, пощипывали глаза. В «Кабана Клуб», модном местечке, куда субботними вечерами съезжался потанцевать почти весь Сиэтл, царил полумрак. Я прищурилась, пытаюсь разглядеть сцену.

Китти подвинула в мою сторону коробочку, обернутую голубой бумагой. Я посмотрела на золотую ленту.

– Что это?

– Это тебе, – с улыбкой сообщила подруга.

Я вопросительно посмотрела на нее, потом на подарок и осторожно развязала ленту. Сняла крышку с белой ювелирной коробочки и откинула хлопковую подкладку, открыв сияющий предмет внутри.

– Китти?

– Это булавка, знак нашей дружбы. Помнишь те маленькие колечки, что были у нас в детстве?

Я кивнула, не понимая: мои глаза увлажнились от дыма или от воспоминаний об ушедшем детстве?

– Я подумала, что нам нужен более взрослый вариант, – объяснила Китти и отвела с плеча прядь волос, демонстрируя такую же булавку на платье.

– Видишь? У меня такая же.

Я рассмотрела серебряную безделушку – круглую, покрытую маленькими голубыми камушками, образующими узор в форме розы. Она сверкала в слабом освещении клуба. На обратной стороне я обнаружила гравировку: Анне от Китти с любовью.

– Очень красиво, – восхитилась я, прикрепив булавку к платью.

Подруга просияла.

– Надеюсь, она станет символом нашей дружбы, будет напоминать, что у нас нет друг от друга секретов, и мы не позволим времени или обстоятельствам изменить наши отношения.

Я согласно кивнула:

- Всегда буду ее носить.

Китти улыбнулась:

- Я тоже.

Потягивая содовую, мы разглядывали шумный клуб, где друзья, одноклассники и знакомые веселились, возможно, последний раз, прежде чем жизнь раскидает всех в разные стороны. Война. Брак. Неизвестность. Мое сердце сжалось.

- Посмотри на Этель и Дэвида Бартона, - прошептала Китти мне на ухо. Она показала на парочку у бара. - Его руки так по ней и блуждают, - отметила подруга, смерив их чересчур долгим взглядом.

- Стыд какой! - покачала я головой. - Она ведь помолвлена с Генри. Он, кажется, еще на учебе?

Китти кивнула, но я не заметила неодобрения в ее взгляде.

- А ты разве не мечтаешь о такой любви? - задумчиво спросила она.

Я наморщила нос:

- Дорогая, но это не любовь.

- Именно любовь, - возразила она, подперев ладонью щеку. Мы наблюдали, как парочка рука об руку движется к танцполу. - Дэвид от нее без ума.

- Без ума, верно, - согласилась я. - Но не любит ее.

Китти пожала плечами:

- Зато между ними есть страсть.

Я достала из сумочки пудру и припудрила нос. Скоро придет Герард.

- Страсть – для дураков, – заявила я, защелкивая косметичку.

- Возможно, – ответила она, – но я все равно рискну.

- Китти!

- Что?

- Не говори так.

- Как?

- Как падшая женщина.

Китти захихикала, и в этот момент у нашего столика появились Герард и Макс, его приятель и коллега из банка – невысокий, кудрявый, с простым, честным лицом. Он имел планы на Китти.

- Поделись с нами шуткой, Китти, – с улыбкой попросил Герард. Мне нравилась его улыбка, очаровательная и самоуверенная. На нем был серый костюм, он возвышался над столиком, приводя в порядок слетевшую запонку. Макс стоял по стойке смирно, дыша, словно немецкая овчарка, и сосредоточив все внимание на Китти.

- Расскажи им, Анна, – с ухмылкой обратилась ко мне Китти.

Я растерянно улыбнулась:

- Китти заявила, мол, они с Максом составят лучшую пару в танцах, чем мы с тобой, Герард, – я победоносно посмотрела на Китти, – представляешь?

Герард улыбнулся, а у Макса загорелись глаза.

- Мы не позволим ей так говорить, да, дорогая? – Он посмотрел на танцпол и протянул мне руку.

Музыканты заиграли, и Макс неуклюже затоптался возле моей подруги, широко улыбаясь. Китти закатила глаза и взяла его протянутую руку.

Герард плавно и элегантно положил руки мне на талию. Мне нравились его твердые объятия, его уверенность.

- Герард? - прошептала я ему на ухо.

- Да, дорогая?

- Ты испытываешь... - я замешкалась, пытаюсь подобрать слова, - испытываешь ко мне страсть?

- Страсть? - повторил он, сдержав смешок. - Ты такая смешная. Конечно.

Он сжал меня немного сильнее.

- Настоящую страсть? - продолжила я, не удовлетворившись ответом.

Он остановился и любовно притянул мои руки к подбородку.

- Надеюсь, ты не сомневаешься в моей любви? Анна, я хочу, чтобы ты знала: я люблю тебя сильнее всего на свете.

Я закрыла глаза. Вскоре музыка остановилась и заиграла новая, более медленная песня. Я крепче прижалась к Герарду - так я могла слышать, как бьется его сердце, а он, несомненно, слышал мое. Мы раскачивались под мелодию кларнета, и с каждым шагом я убеждала себя, что у нас это есть. Конечно же, есть. Герард без ума от меня, а я от него. А сомнения - полная чушь. Это все Китти. Китти. Я смотрела, как она безрадостно танцует с Максом, и вдруг словно из ниоткуда возник мистер Гельфман. Он направился прямо к ней, что-то сказал Максиму и тут же заключил ее в объятия. Удрученный Макс направился к столику.

- А что Китти делает с Джеймсом Гельфманом? - нахмурившись, спросил Герард.

– Мне это не нравится, – заявила я, наблюдая, как мистер Гельфман вертит мою подругу по танцполу, словно куклу. Он положил руки слишком низко на талию, чересчур крепко ее прижал. Я подумала о Кейтлин, бедняжке Кейтлин, и содрогнулась.

– Пойдем отсюда, – попросила я Герарда.

– Уже? – удивился он. – Но мы ведь даже еще не ужинали.

– Максин оставила в холодильнике сэндвичи, – ответила я. – Мне больше не хочется танцевать.

– Это из-за Китти?

Я кивнула. Я знала – теперь Китти ничто не остановит. Она четко дала это понять. И будь я проклята, если буду наблюдать, как лучшая подруга отдает свое сердце и честь недостойному мужчине – к тому же женатому. Но дело было не только в этом. Мой разум еще не осознавал, но сердце уже чувствовало: я завидовала Китти. Я хотела испытать то же, что и она. И боялась, что со мной никогда этого не случится.

Швейцар подал мое синее бархатное пальто, и я взяла Герарда под руку. Тепло. Безопасность. Защищенность. Мне очень повезло, напомнила я себе.

* * *

По пути домой Герард решил поговорить о недвижимости. Купим ли мы квартиру в городе или что-нибудь в Уиндермире, благополучном квартале нашей юности, рядом с родителями? Квартира будет ближе к банку. А как здорово было бы жить на Пятой авеню, протянул он. Этой осенью продают дом Бускирксы – большой тюдоровский особняк с четырьмя мансардными окнами. Мы могли бы купить и отреставрировать его, достроить новое крыло для прислуги и детскую для ребенка. Для ребенка.

Герард продолжал бубнить, в машине вдруг стало жарко. Слишком жарко. Дорога расплывалась перед глазами, уличные огни размножились. Что со мной? Почему я не могу вдохнуть? Закружилась голова, я вцепилась в дверную ручку.

- Милая, все в порядке?

- Просто немного душно, - сказала я, опустив стекло.

Он погладил меня по руке.

- Прости, дорогая, я тебя утомил?

- Немного, - призналась я. - Нужно принять столько решений. Может, пока сосредоточимся на чем-то одном?

- Конечно, - согласился он. - Больше ни слова о домах.

Он повернул в Уиндермир, проехав мимо величественных колонн на входе. За ними расположился зажиточный заповедник, где садовники часами шлифовали лужайки и стригли клумбы, вымеряя каждый лепесток, а гувернантки таким же образом пестовали детей. Мы проехали дом родителей Герарда, особняк с серыми фронтонами на Гилмор авеню, и белый колониальный дом Ларсонов, с прямоугольной живой изгородью и каменными урнами из Италии. Что со мной не так? Рядом мужчина, который меня любит и готов подарить привычную мне красивую, спокойную жизнь. Я была недовольна собой.

Герард припарковался, и мы пошли в дом, на кухню.

- Максин, наверное, уже спит, - сказала я, глянув на часы. Половина десятого. Максин обычно отправлялась к себе в девять пятнадцать.

- Хочешь сэндвич? - предложила я.

- Нет, спасибо, - отказался Герард, теребя «Ролекс» на своей руке - мой подарок на двадцать пятый день рождения.

Вдруг послышались шаги.

- Папа? - спросила я, выглянув из-за угла. На лестнице показался женский силуэт.

- Мама? - Я включила в коридоре свет и поняла, что ошиблась.

- Мамы еще нет, - ответила Максин. - Я отнесла тебе полотенца. Франчески сегодня не было, и я решила сама подготовить их на утро.

- Ах, Максин. К чему беспокоиться о полотенцах в такое время? И слышать не желаю! Иди, отдохни. Ты слишком много работаешь.

Она повернула голову, чтобы взглянуть на часы, и мне показалось, у нее странно блестят глаза. Плакала или просто устала?

- Думаю, пора сказать спокойной ночи, - кивнула она, - если вам ничего не нужно.

- Ничего, - ответила я, - все в порядке. Добрых снов, Максин.

Я обняла ее за шею, как в детстве, и вдохнула ароматный запах ванили.

Когда она ушла, Герард поцеловал меня, нежно и быстро. Почему не дольше?

- Уже поздно, - сказал он, - думаю, мне тоже пора.

- Тебе пора? - переспросила я, притянув его к себе и многозначительно глядя на диван в гостиной. Ну почему Герард такой практичный?

- Нам нужно отдохнуть, - покачал он головой, - завтра трудный день.

- Трудный день?

- Вечеринка, - удивленно сообщил он. - Ты что, забыла?

Я и вправду забыла. Родители Герарда устраивали вечеринку по случаю помолвки на своей огромной лужайке, подстриженной настолько идеально, что она была похожа на поле для гольфа. Музыканты, крокет, ледяные скульптуры и подносы с маленькими сэндвичами у официантов в белых перчатках.

- Надень красивое платье и приезжай к двум, - с улыбкой сказал он.

- Запросто, - ответила я, направляясь к двери.

- Доброй ночи, милая, - попрощался он и пошел к машине.

Я стояла и смотрела, как он уезжает, пока звук мотора не стих в густой тишине августовской ночи.

Глава 2

- Максин!

Я открыла глаза и несколько раз моргнула, пытаюсь в полусне сообразить, кто это так кричит - громко, пронзительно, немного рассерженно, явно раздраженно и очень недовольно.

Мама. Она вернулась.

- Я же говорила, что Анна наденет синее платье - почему оно не выглажено?

Теперь голос раздался ближе, совсем рядом с моей спальней.

Я откинула лоскутное одеяло и потянулась за халатом, прежде чем нехотя поставить босые ноги на прохладный деревянный пол. Бедняжка Максин. Она не заслужила такого обращения. Опять на нее кричат.

Я открыла дверь.

- Мама, - осторожно начала я, зная, что ей лучше не прекословить насчет моды, и медленно вышла в коридор. - Я хотела надеть красное. Которое ты купила в Париже.

Мама стояла в нескольких шагах от лестничной площадки. Она улыбнулась и распахнула шторы, негодующе глянув на Максина.

– О, доброе утро, милая, – поздоровалась она, направившись ко мне. – Не знала, что ты проснулась. – Она протянула руки и взяла мое лицо в ладони. – Выглядишь усталой, любовь моя. Ты вчера поздно вернулась домой? С Герардом?

Его имя мама всегда произносила с придыханием, словно речь шла о шоколадном пироге. Порой мне начинало казаться, что мама и сама не прочь выйти замуж за Герарда Годфри.

Я покачала головой:

– Я вернулась довольно рано.

Она указала на припухлости у меня под глазами:

– Тогда откуда это?

– Не могла заснуть, – объяснила я.

К нам робко приблизилась Максина, держа в руках платье на вешалке.

– Антуанетта, это?

Я кивнула.

– Не называй ее так, Максина, – резко бросила мама, – она уже не маленькая девочка, а взрослая дама, вот-вот выйдет замуж. Пожалуйста, называй мою дочь Анна.

Максина кивнула.

– Мама, – выпалила я, – мне нравится, когда меня зовут Антуанеттой.

Мама пожала плечами. В ушах качнулись новые бриллиантовые серьги.

– В любом случае это уже не важно. Через месяц ты станешь миссис Герард Годфри, вот что главное.

Меня слегка передернуло, мы с Максин обменялись понимающими взглядами.

– Хочешь надеть красное, дорогая? – продолжила мама, склонив голову вправо. Она была очень красивой, гораздо красивее, чем когда-либо буду я. Я знала это с ранних лет. – Сомневаюсь, что это твой цвет.

Максин посмотрела маме в глаза, что делала крайне редко.

– По-моему, оно ей очень идет, миссис Келлоуэй, – безапелляционно заявила она.

– Надевай, что хочешь, но мы должны выехать к Годфри через два часа. Пора собираться.

Спускаясь по лестнице, на полпути она вновь обернулась к нам с Максин:

– И подбери волосы вверх, родная. Так твой профиль выглядит гораздо привлекательнее.

Я согласно кивнула. Мама была подписана на все модные журналы и каждый год посещала показы в Нью-Йорке и Париже. Она очень заботилась о внешности – куда сильнее, чем другие матери: одевалась по последней моде, делала шикарные прически, носила самые стильные аксессуары. И ради чего? Папа ее почти не замечал. Чем больше она накупала одежды, тем несчастнее казалась.

Она ушла, и я, глядя на Максин, закатила глаза:

– Что-то она не в духе, да?

Максин подала мне платье. Судя по глазам, она все еще переживала из-за резкого тона мамы. Мы вернулись в комнату, и я закрыла дверь.

Я приложила к себе платье.

– Оно точно мне идет?

– Чем ты встревожена, Антуанетта? – спросила экономка. Я почувствовала, что она пристально смотрит на меня.

Я опустила взгляд на деревянный пол и свои босые ноги.

– Не знаю, – растерянно призналась я, – просто все происходит так быстро.

Максин кивнула:

– Ты о помолвке?

– Да. Я люблю его, правда люблю. Он такой хороший.

– Он хороший, – повторила она, предлагая продолжить мысль.

Я села на кровать и положила голову на спинку.

– Знаю, никто не идеален, но иногда я думаю: полюбила бы я его сильнее, стали бы чувства глубже, если бы он исполнил свой долг?

Максин повесила платье на дверь.

– И отправился на войну?

Я кивнула:

– Мне хочется, чтобы кое-что у него, у нас было иначе.

– Например, милая?

– Я хочу гордиться им, как гордятся своими мужчинами, ушедшими воевать, другие женщины, – продолжила я, задумавшись на мгновение, – хочу испытывать страсть. Китти считает, нам не хватает страсти, – нервно буркнула я.

– Ну, – выжидательно посмотрела на меня Максин, – а что думаешь по этому поводу ты?

– Не знаю, – призналась я и тотчас же отбросила эти мысли. – Послушай только, что я несу. Я ужасная невеста, раз болтаю такие вещи. Герард – просто мечта. Мне очень повезло. Пора приступить к своей роли.

Максин посмотрела мне в глаза. В ее взгляде вспыхнуло пламя.

– Никогда так не говори, Антуанетта, – отчеканила она, стараясь проговаривать слова ясно и четко, насколько позволял акцент. – Нельзя играть роль в жизни, а уж тем более – в любви. – Она обняла меня за плечи, как в детстве, и прижалась щекой. – Будь собой и всегда слушай сердце, даже если следовать его зову больно и очень тяжело.

Я вздохнула и уткнулась ей в плечо.

– Максин, почему ты так говоришь? Почему ты говоришь это сейчас?

Экономка заставила себя улыбнуться, но в ее глазах застыла печаль:

– Однажды я не послушала свое сердце и теперь жалею об этом.

* * *

У матери Герарда, Грейс Годфри, была неприятная внешность. Темные глаза и резкие черты лица, которые делали Герарда таким неотразимым, лишали женщину привлекательности. Но улыбка делала ее черты мягче. В детстве я часто мечтала, чтобы мама была больше похожа на миссис Годфри – практичную и приземленную, несмотря на достаток и положение в обществе. Обычно женщины ее круга перекладывали большую часть забот о детях на наемных работниц, но миссис Годфри все делала сама. Если в детстве кто-нибудь из мальчиков Годфри разбивал коленки, она прогоняла няню прочь и сама перевязывала раны, нежно целуя ребенка.

– Не понимаю, почему Грейс Годфри не позволяет няне заниматься своим делом, – жаловалась мама папе, когда я училась в начальной школе.

Как и следовало ожидать, когда мы с родителями подошли к дому Годфри, Грейс помогала официантам перенести ледяную фигуру – большую утку с тремя утятами в ряд – с веранды на лужайку.

– Позвольте мне помочь, – послышался за моей спиной папин голос.

– Грейс, осторожнее, – вмешалась мама, – у тебя больная спина.

Как только подскочил папа, Грейс уступила власть над уткой, которую удерживала с явным трудом.

– Спасибо, – поблагодарила она и повернулась к маме: – Луэllen, Анна, добрый день. Чудесная погода, не правда ли?

– Да, – согласилась я, посмотрев в голубое небо, на котором виднелось единственное пушистое облачко. Дорогой газон заставлен столами, а в вазах, установленных на сиреневые скатерти, красуется пурпурная гортензия.

– Все это... – замешкалась я, внезапно растрогавшись таким выражением любви ко мне, Герарду и нашему грядущему союзу. – Все очень красиво.

– Рада, что тебе нравится, – ответила миссис Годфри, обхватив мою руку крепкими пальцами. – Герард ждет тебя на веранде, дорогая.

Я увидела его издалека – он растянулся на шезлонге, покуривая сигару с отцом. Галантный, красивый, сильный – словно сошел со страниц одного из маминых журналов. Увидев меня, он быстро встал.

– Анна, – крикнул он, махнув рукой, – я сейчас!

Я поправила ленту на платье, и у меня в голове прозвучали слова Максина: «Нельзя играть роль в жизни, а уж тем более – в любви». Но разве все вокруг не играют роли? Мама. Папа. В каком-то смысле – Китти. Даже Максин. Почему я должна вести себя иначе?

Через несколько мгновений Герард обнял меня за талию.

- Ты, - прошептал он мне на ухо, - самая красивая девушка!

Я покраснела.

- Ты правда так думаешь?

- Уверен, - ответил он. - Откуда у тебя это платье? Ты изумительна.

- Я надела его для тебя. Хотела, чтобы...

- Погоди, это Итан Вагонер?

Герард смотрел на ворота в сад, куда входил мужчина с беременной женой.

- Дорогая, прости, что прерываю, но это мой старый друг из колледжа. Давай я вас представлю.

Тот день был переполнен знакомствами и встречами, и я почти не видела Герарда - лишь иногда он махал мне рукой или быстро целовал в щеку. Праздники в честь помолвки - не для помолвленных.

Когда позвонили к обеду, я стала искать глазами Китти и поняла, что не видела ее весь день. Странно, я сообщила ей о празднике несколько недель назад. Во время обеда она должна была сидеть рядом с нами, но так и не появилась. А когда оркестр заиграл первую песню, я начала волноваться.

- Герард, - прошептала я ему на ухо, пока мы кружились по танцполу в теплом вечернем воздухе, и казалось, что на нас смотрят тысячи глаз. Я старалась не обращать внимания. - Китти почему-то нет... Я беспокоюсь.

- Наверное, она просто опаздывает, - ответил он без тени волнения, - ты же знаешь Китти.

Да, Китти часто опаздывала. Но не на пять часов и не на помолвку лучшей подруги. Нет, я чувствовала: что-то не так.

Герард уверенно вел меня по танцполу, я положила голову на лацкан его пиджака, закрыла глаза и позволила ему лидировать, как всегда, ни на секунду не перехватывая инициативы, и вслушивалась в слова песни.

- Герард, - прошептала я, - ты думал о войне? Об отправке на фронт?

Он отстранился и посмотрел мне в глаза:

- Любимая, если ты беспокоишься, что меня мобилизуют, то напрасно. Отец уже обо всем позаботился.

Я нахмурилась.

- Но, - начала я и тут же остановилась, пытаюсь подобрать слова, - разве тебя не волнует, что...

- Волнует что?

Я отвлеклась - краем глаза заметила у входа в сад какое-то движение. Кто-то махал рукой, пытаюсь привлечь мое внимание. Свет танцпола затемнял окружающее пространство, но мне удалось разглядеть, кто именно. Китти. Она стояла за садовыми воротами. Ворота заперты? Почему она не заходит? Она поднесла к глазам носовой платок. Нет, явно что-то не так.

Песня закончилась, и к нам присоединились несколько пар. Я прижалась к Герарду поближе и прошептала:

- Ничего, если эту мы пропустим?

Он удивленно улыбнулся и кивнул. Я поспешила к воротам. Китти сидела на тротуаре, уронив голову на колени.

- Китти, что случилось? - Я наконец разглядела ее лицо: потекшая от слез косметика, красные от слез глаза.

– Ты, наверное, думаешь, что я ужасная, отвратительная подруга, – всхлипнула Китти и вновь опустила голову.

Я погладила ее по голове, тщетно пытаюсь убрать выбившиеся пряди. Я еще никогда не видела ее кудри в таком беспорядке.

– Конечно нет, милая. Что случилось? Расскажи.

– Анна, прости, что так подвела, – вздохнула она. – Должно быть, ты считаешь меня никудышной подругой. И правильно. Я плохой, недостойный тебя друг.

Всхлипы продолжились, я вытащила из складки платья свежий носовой платок.

– Чушь, ты мой самый дорогой друг.

Китти высморкалась и посмотрела на меня пугающе горьким взглядом. Ее переполняли грусть и какое-то отчаяние. Эта девушка стояла на пороге решительного шага. Я отвела глаза.

– Я приехала много часов назад, но не смогла войти.

– Да почему же?

Она снова высморкалась.

– Мне невыносимо смотреть, как ты уходишь.

– Но, Китти, я никуда не уезжаю.

– Но ты выходишь замуж. Все изменится. Я знаю, что должна за тебя радоваться, но думаю лишь о том, что тебя теряю.

– Китти, ты никогда меня не потеряешь!

Она посмотрела на меня.

– Потеряю. Это естественный ход жизни. Просто я еще не привыкла, – она указала на вечеринку за забором, – поэтому и не смогла прийти. Анна, мне так жаль.

– Не нужно извиняться, – твердо сказала я, взяв Китти за руку, и стерла краем платья слезу, сбежавшую по ее щеке.

– Анна, – начала Китти немного отстраненно, – я должна тебе кое-что рассказать.

Я отпустила ее руку.

– Что?

– Тебе не понравится.

– Все равно говори, – поторопила я.

– Я приняла серьезное решение насчет будущего. Ты двигаешься вперед, и я должна тоже.

– Китти, о чем ты?

Она глубоко, взволнованно вздохнула:

– Ты помнишь, что мы друг другу пообещали, когда поступали в медицинское училище?

Я кивнула:

– Да. Мы поклялись, что никогда не станем такими, как наши матери.

– Именно, – подтвердила она, глядя перед собой, – что мы хотим другой жизни, более значимой.

Я нахмурилась:

- Китти, если ты хочешь сказать, что, выходя за Герарда, я...

- Нет, - быстро перебила она, - я имею в виду вовсе не это. Просто я подумала, что мне надо как-то изменить свою жизнь. Я думаю об этом давно, еще с тех пор, как появились первые слухи о войне, но сегодня, Анна, я точно поняла, что надо делать.

Мои пальцы крепко сжались.

- Я уезжаю, - сообщила она, - далеко на юг, на океан. Поступаю в корпус медсестер, чтобы помогать на войне. Сегодня я ездила в город, в центр регистрации волонтеров. Анна, им нужны квалифицированные медсестры. Их отчаянно не хватает. Для меня это - шанс сделать что-то стоящее в жизни.

Меня переполняли эмоции. Я вспомнила рассказы об островах из писем Норы - душные ночи, звезды, такие близкие, что, кажется, их можно потрогать рукой, красота и загадка, страх разрушения и войны, таящийся на каждом углу. Мужчины. Я осмеливалась о таком только мечтать. А Китти собирается туда поехать.

Я пнула ногой камень.

- Ты уверена?

- Да, - мягко сказала она.

Я вздохнула.

- Послушай, - продолжила Китти, - ты выходишь замуж. Все вокруг женятся или уезжают учиться или еще куда-нибудь. Я не хочу просто сидеть здесь и смотреть, как все меняется. Я хочу перемен.

Да, перемены ждали нас обеих, хотелось нам того или нет. А теперь мы смотрели им прямо в глаза, и я не могла превозмочь сердечной боли.

– Разумеется, мама в ужасе, – продолжила Китти. – Я убегаю на дикий остров, буду жить с варварами, среди солдат – но мне плевать. Мне не важно, что подумают остальные, – ее тон стал осторожнее, – кроме тебя.

Мне тоже было невыносимо думать, что Китти уезжает, но не из-за «дикарей» или мужчин, хотя последние и вызывали изрядное беспокойство. Нет, мне было невыносимо, что Китти уезжает на другой конец света – и без меня.

– Я переписываюсь с Норой, – призналась я.

Китти сначала обиделась, но потом ее глаза загорелись:

– Она ведь там, на островах?

– Да, она хотела, чтобы я тоже туда приехала.

Китти ухмыльнулась:

– Она тратит время не на ту девушку.

– Возможно, – тихо согласилась я.

Я подумала о свадьбе, которая должна была случиться через несколько недель. Представила все до малейших деталей, как в кино. Мое платье, французский шелк. Голубая подвязка. Пятиярусный торт с помадкой. Салфетки. Букеты подружек невесты. Белые пионы и бледно-лиловые розы. Я содрогнулась. Как я могу выйти замуж, если рядом не будет Китти?

Я выпрямилась и кивнула:

– Я поеду с тобой.

Китти просияла:

– Анна! Нет, не может быть. А как же свадьба? Нам придется уехать на той неделе, и как минимум на девять месяцев, а то и на более долгий срок.

Я пожалала плечами:

– Им ведь нужны медсестры?

Китти, всхлипывая, кивнула:

– Да. Вербовщик сказал, обстановка на островах накаляется, и им очень нужны медсестры.

Я улыбнулась:

– Что я за подруга, если я отпущу тебя одну в такое приключение?

Китти обняла меня, и мы просидели на тротуаре всю следующую песню, а потом еще одну. Казалось, праздничная музыка доносится из другого мира – в каком-то смысле так оно и было. Живая изгородь из подстриженных лавров стала границей между определенностью и неизвестностью.

– Герард меня никогда не простит, – сказала Китти. – Я похитила его невесту прямо перед свадьбой.

Я покачала головой:

– Чепуха. Ты же меня не насильно тащишь. Я сама захотела.

Я обернулась и посмотрела на праздничный вечер. Разумеется, мое решение приведет к серьезным последствиям. Мама выйдет из себя. Папа будет против. И Герард... Герард. Я вздохнула. Ему придется непросто – невеста отправится в район боевых действий, а он будет сидеть в домашнем уюте. Я знала, что он обидится, и это беспокоило меня сильнее всего. Но сейчас я не могла об этом думать. Если он любит – действительно любит меня, – он подождет, а если нет – значит, оно того не стоит.

Моя решимость росла с каждым мгновением. Я должна поехать с Китти на Тихий океан. Почему? Ответ был ясен не до конца. Одно я знала точно: на этот раз я не буду просто играть роль.

Глава 3

Китти толкнула меня локтем в бок, и я застонала, подняв отяжелевшие веки.

– Посмотри в окно, – восхищенно воскликнула она, – мы почти на месте!

От острова, куда мы прибыли на корабле, было сорок пять минут лету. Меня укачивало все четыре дня пути, и я мечтала снова ступить на твердую землю. Я оглядела салон маленького самолета. Мир мужчин. Хотя сейчас, помимо пилотов в кабине и одного солдата – высокий, неуклюжий парень с рыжеватыми светлыми волосами, одетый в свежую униформу, возвращался с продолжительного лечения, – самолет был полностью заполнен медсестрами.

– Смотри! – воскликнула Китти, схватившись за сердце. – Ты когда-нибудь видела такую красоту?

Я перегнулась через подругу, выглянула в маленькое окошко и изумленно вздохнула, увидев пейзаж внизу – невероятно светлая голубая вода, белый песок и сочные, изумрудно-зеленые холмы. Я не ожидала такого восхитительного зрелища. Конечно, Нора, которая теперь направлялась на корабле в Штаты, писала об очаровании островов, но газетные статьи говорили совсем о другом – безжалостной тропической жаре, нищете и мучениях, которые преследовали мужчин, воевавших среди кишачих москитами болот. Считалось, что это был настоящий ад. Но вид из окна совсем не совпадал с этими описаниями. Нет, этот остров был совсем другим.

Я вспомнила Герарда, его взгляд, когда я садилась на самолет, – печальный, неуверенный, испуганный. Когда на следующий день после вечеринки я сообщила ему о своих планах, он отреагировал прекрасно. Но в глазах читалась тревога.

Конечно, он попытался меня отговорить, но, в конце концов, взял за руку и натянуто улыбнулся.

– Буду ждать твоего возвращения. Это ничего не изменит, – заверил он.

После долгих обсуждений мы решили перенести свадьбу на год. Обескураженная новостью мама убежала плакать в спальню. Реакция папы оказалась менее однозначной. На следующий вечер после вечеринки у Годфри я дождалась того часа перед ужином, когда он пил виски в кабинете. После моего сообщения он опешил. На его лбу проступили капельки пота.

- Ты уверена, детка?

- Да. Чувствую, что так правильно, вот и все.

Папа зажег сигару, выпуская дым в открытое окно. Его глаза блестели.

- Мне бы твое мужество.

- Папа...

- Ну, ничего не поделаешь, - вдруг сказал он и выбросил в пепельницу сигару, а вместе с ней - все эмоции. - Не будем пропускать ужин. Максин приготовила горячие сэндвичи.

Но все же тем вечером папа почти ничего не ел.

Я расправила платье. Почему оно так измялось, когда наряд Китти выглядит свежеевыглаженным? Я нахмурилась. Может, я зря поехала? Спрятав руки в подол, я разглядывала пейзаж внизу - мой новый дом как минимум на большую часть года.

Констанция Гильдебрандт, старшая медсестра и наш руководитель на острове, вышла вперед и грозно посмотрела на группу молодых сестер. Это была дородная женщина с седыми волосами, строго убранными под форменный чепец, приколотый так туго, что смотреть было больно. Если в сестре Гильдебрандт и присутствовала мягкость, она была запрятана глубоко внутри.

- Мы практически прибыли, - начала она. В самолете было так шумно, что мне приходилось читать по губам, хотя она кричала. - Не обманывайтесь красотой острова, это не роскошный курорт. Предстоит тяжелая работа. Жаркий климат суров. Влажность удушлива. Если до вас не доберутся москиты, то доберутся

туземцы. Те, что живут на побережье, дружелюбны, но дальше соваться не стоит. Неподалеку от базы еще существуют колонии каннибалов.

Я посмотрела на девушек, сидящих через проход, они испуганно хлопали глазами. Сестра Гильдебрандт прочистила горло:

– Я знаю, вы устали, но нас ждет работа. Найдите свои казармы и сходите в душ, я буду ждать в лазарете к двум часам. И еще одно предупреждение: за вашим появлением будут наблюдать множество мужчин, многие из них очень долго не видели женщин, кроме вахини. Не смотрите мужчинам в глаза. Ведите себя так, чтобы рядом с вами они были джентльменами.

Одна из девушек достала косметичку, напудрила нос и накрашила губы ярко-красной помадой.

Китти с улыбкой наклонилась ко мне.

– На острове две тысячи мужчин, – прошептала она, – а нас сорок пять.

Я строго посмотрела на подругу. Как она могла думать о мужчинах после ужасных предостережений сестры Гильдебрандт?

– Как думаешь, там правда есть каннибалы?

– Нет, – уверенно отмахнулась Китти, – она нас просто пугает.

Я надеялась, что Китти права.

– К тому же, – добавила я, – в письмах Нора ничего не говорила о москитах.

Китти согласно кивнула.

– Мередит Льюис – ну, знаешь, сестра Джиллиана, – тоже была на острове, неподалеку отсюда. Она приехала с первыми отрядами и говорит, что истории про каннибалов – полная чушь.

Слова Китти не успокоили меня, а напротив – пронзили сердце, словно острый осколок. Мередит Льюис училась с Герардом в одном классе. Она стояла с ним рядом на выпускной фотографии. От этих воспоминаний сразу захотелось домой. Неопределенность тревожила, но все забылось, когда самолет начал вздрагивать и трястись.

Мы с Китти держались за руки, когда машина со стуком приземлилась на взлетно-посадочную полосу, расположенную пугающе близко к океану. В какое-то мгновение нам показалось, что мы вот-вот катапультируемся в воду, словно летящая торпеда. Я украдкой перекрестилась и прочла молитву.

– Ну, вперед, – тихо произнесла я несколько минут спустя, направляясь к выходу вместе с другими девушками.

На мое плечо опустилась рука Китти.

– Спасибо, что поехала со мной, – прошептала она, – ты не пожалеешь, обещаю.

Мы друг за другом спускались на аэродром. Дул легкий бриз, теплый, соленый и влажный, дышать было с непривычки тяжеловато. У медсестры, которая пудрила нос перед посадкой, на лице проступила испарина, а по щеке медленно поползла капля пота. Я удержалась от искушения достать из сумки косметичку, напомнив себе, что помолвлена, и теперь моя внешность важна только для жениха.

Осмотревшись, я увидела, что сестра Гильдебрандт права – во всяком случае, насчет мужчин. Военные в темно-зеленых униформах столпились внизу, словно шершни. Самые наглые свистели, остальные просто смотрели, покуривая сигареты.

– Такое впечатление, что они никогда не видели женщин, – прошептала Китти, поглядывая на солдата в переднем ряду. Тот приосанился и смотрел на нас с уверенной улыбкой.

– А он милый, – сказала Китти немного громче, чем следует.

Сестра Гильдебрандт снова к нам повернулась.

– Дамы, позвольте представить вам полковника Донехью, – сказала она, поворачиваясь к мужчине в форме. На его груди красовалось не меньше дюжины медалей и знаков отличия. Когда он пересекал площадку, его подчиненные построились. Все затихло, и медсестры восхищенно наблюдали за его приближением. Полковнику было около сорока, может, немного больше. Загорелый, темные с проседью волосы, изумительные глаза. В военной форме он выглядел могущественно и, как мне показалось, немного пугающе.

– Сестра Гильдебрандт, дамы, – поздоровался он, взявшись за шляпу, – рад официально приветствовать вас на острове Бора-Бора. Благодарим вас за службу нашей стране, и, уверяю вас, все мужчины на острове, включая меня, говорят вам сердечное спасибо за ваш труд.

Он повернулся к мужчинам и крикнул:

– Вольно!

Все заплодировали.

– Истинный джентльмен, – прошептала Китти, не спуская глаз с полковника.

Я пожала плечами. Солнце жгло все сильнее. Я сначала и не заметила, как сильно припекают его лучи, отражаясь от раскаленного бетона. Китти медленно покачивалась рядом со мной. Сначала мне показалось, что она пританцовывает под песню Эллы Фицджеральд, доносившуюся из джипа, но, повернувшись к ней, я увидела, что у подруги побледнели щеки, и она вся как-то обмякла.

– Китти, – забеспокоилась я, схватив ее за руку, – с тобой все в порядке?

Китти часто заморгала, и вдруг у нее подкосились ноги. Я успела ее подхватить, но спасла нас именно сумка, набитая слишком нарядными для острова платьями – они уберегли голову подруги от безжалостного бетона. Теперь Китти лежала на горячем цементе взлетного поля, словно мятая тряпка, ее голова покоилась у меня на коленях.

– Китти! – закричала я, инстинктивно одернув подол ее голубого платья.

– Нюхательную соль! – командовала сестра Гильдебрандт, проталкиваясь сквозь столпившихся вокруг девушек. Она поднесла к носу Китти пузырек из зеленого бутылочного стекла.

– Это все солнце, – спокойно объяснила она. – Привыкнет со временем.

Рядом с сестрой Гильдебрандт появился полковник Донехью.

– Принесите носилки! – распорядился он. – Быстрее!

– Полковник Донехью, – вмешалась сестра Гильдебрандт, – это просто тепловой удар. Все обойдется.

Он осмотрел Китти собственническим взглядом:

– Я хочу убедиться в этом лично.

– Как вам угодно.

Вскоре появилось двое мужчин с носилками и положили на них Китти – она уже пришла в сознание, но все еще была очень слаба.

– Анна, что случилось? – спросила у меня Китти.

Прежде чем я успела что-то ответить, подскочил полковник Донехью.

– Самые красивые девушки всегда падают в обморок в тропиках, – с улыбкой произнес он.

Мне его тон не понравился, но Китти просияла:

– Мне очень неловко... Надолго я отключилась?

Полковник широко улыбался. Вокруг нас собралась такая толпа, что я уже ничего не видела.

– Достаточно долго, чтобы прослушать, что сегодня вечером будут танцы в честь вашего приезда, – ответил Донежью, словно танцы проводились лично для Китти.

Китти одарила полковника улыбкой – слишком игривой для его чина.

– Танцы? – вяло пробормотала она.

– Да, танцы, – подтвердил он и повернулся к толпе: – Все слышали? Сегодня, в восемь часов.

– Спасибо, – не переставая улыбаться, ответила Китти.

– Очень рад, – галантно ответил полковник, – только у меня будет к вам одна просьба.

– Конечно.

– Подарите мне один танец.

– С удовольствием, – мечтательно пробормотала она, пока двое мужчин уносили ее, пробираясь сквозь толпу.

Китти всегда умела эффектно обставить свое появление.

Толпа задвигалась. Я посмотрела на свой чемодан и огромную сумку Китти и застонала. Солдаты куда-то исчезли, и мне предстояло нести все это добро самой.

– Ты поверила? – спросила меня какая-то девушка сзади. Я обернулась и увидела одну из медсестер. Золотисто-каштановые волосы, лежащие мягкими волнами, напоминали Риту Хейворт из журнала «Лайф», но на этом сходство заканчивалось.

– Простите? – переспросила я, не понимая, что она имеет в виду.

– Твоя подружка разыграла неплохую сцену, чтобы привлечь внимание полковника, – с ухмылкой заявила она. Над верхней пуговицей ее платья виднелось кружево. Вероятно, не случайно.

Через секунду появилась другая медсестра, с блестящими темными волосами и мягкой улыбкой, и с согласием посмотрела на подругу.

– Вы же не хотите сказать, что Китти сделала это специально?

– Именно это я и имею в виду, – ответила девушка с каштановыми волосами, видимо, лидирующая в этой паре. – Такие вещи случайно не происходят. Она все разыграла.

– Разумеется, нет, – запротестовала я, – вы просто завидуете.

Темноволосая медсестра открыла рот, а вторая просто пожала плечами:

– Однажды ты скажешь нам спасибо.

– За что? – с подозрением спросила я.

– За предупреждение. Твоя подружка на многое способна. Я бы не стала ей доверять и подпускать к своим мужчинам.

Я покачала головой и пошла вперед – быстро, насколько это получалось с двумя тяжелыми, большими сумками.

– Как-то неловко... – будто опомнилась девушка с каштановыми волосами. Но ожидаемого извинения не последовало. – Я чуть не забыла представиться. Стелла, а это Лиз, – сообщила она, указывая на брюнетку.

Я упорно продолжала свой путь.

– А тебя как зовут?

– Анна, – буркнула я, не оборачиваясь.

* * *

Наши комнаты в казармах медсестер были очень простыми, если не сказать, бедными – две грубо сколоченные кровати, туалетный столик и один шкаф на двоих. Тонкие хлопковые занавески, выжженные солнцем до бледно-желтого цвета, казалось, не могли скрыть нас от солнца или взглядов мужчин. Зайдя в комнату, я обнаружила, что Китти забралась на кровать и ковыряет ногтем стену.

– Как ты думаешь, можно повесить здесь картину? – спросила она, наклонив голову. – Но, честно говоря, я хотела повесить фотографию родителей.

Я со вздохом опустила на пол ее сумку и вытерла лицо.

– Можно, – вяло согласилась я, – вижу, тебе уже лучше.

– Да, милая, спасибо, – отозвалась она. – Мне неудобно, что пришлось там тебя бросить. Но полковник Донехью настоял.

Меня начинало передергивать от имени полковника, но виду я не подала.

– Я рада, что все в порядке.

Китти вскочила и начала порхать по комнате, словно весенняя пташка. Она щебетала о том, как мы здесь устроимся. Запасная простыня послужит отличным балдахином, а еще мы сможем поставить журнальный столик для чая. Ага, конечно. И какого замечательного, спокойного цвета стены! Да, бежевые, как в лазарете, – очень успокаивает.

Мне же комната показалась сырой и какой-то странной. Два голых матраса, голубых в белую полоску, были изрыты вмятинами. На каждом лежала аккуратная стопка изношенного белья. Мне очень не хватало Максина, хотя от этих мыслей я почувствовала себя ребенком. Она бы, конечно, тут же прибежала бы и застелила кровати, вручив нам по чашке расслабляющего чая.

Теперь я все делала сама.

– Анна, поверить не могу, сегодня будут танцы! Танцы! И полковник Донехью будет танцевать со мной!

Опять это имя. Почему оно на меня так действует? Я не доверяю этому человеку? Или я просто раздражена? Я помнила, что Лиз и Стелла сказали мне на аэродроме. Они завидовали. Меня пугала мысль, что я, возможно, тоже завидовала своей подруге.

Я никогда не научусь держаться с мужчинами так, как Китти. Я вспомнила о Герарде и покрутила на опухшем от жары пальце помолвочное кольцо.

– Да, будет здорово! – подхватила я, изо всех сил стараясь изображать веселье.

– Надену желтое платье, – сообщила Китти и бросилась к чемодану. Ей очень шел желтый цвет. Это платье она уже надевала раньше – в последний раз вокруг ее талии крепко сомкнулись руки мистера Гельфмана. Забавно – когда мы уезжали из Сиэтла, сердце Китти было разбито, но, похоже, остров уже стер все воспоминания о былой любви. Я поклялась себе, что у меня все будет иначе.

Китти смотрелась в зеркало, прижимая к себе платье, разглаживая складки, которые вскоре расправил влажный воздух острова.

– Даже не знаю, может, лучше надеть голубое, которое мы купили во «Фредерик и Нельсон» прошлой весной? Оно более строгое.

Я покачала головой, вспомнив Лиз и Стеллу:

– Нет.

Я хотела доказать себе, что не завидую, и старалась быть для Китти самой лучшей подругой. Ведь именно поэтому я здесь.

– Надень желтое. В нем ты выглядишь сногшибательно.

На танцах Китти будет самой красивой. Она чудесно проведет время, и я за нее порадуюсь.

* * *

Лазарет, белое здание с красным крестом над входом, издавал запах мыла, ипекакуаны и немного – медицинского спирта. Мы с Китти пришли последними и устроились среди девушек, наблюдавших, как сестра Гильдебрандт демонстрирует на руке одной из медсестер искусство перевязки в условиях тропиков. Она рассказала, что повязки нужно накладывать против часовой стрелки, не слишком пережимая, но достаточно туго, чтобы остановить кровь.

– Рана должна дышать. Если воздуха будет слишком много или же, наоборот, мало, может возникнуть инфекция. – Она замолчала, глядя в окно, на дальние холмы. – Особенно в этом богом забытом месте.

Остальную часть времени мы провели, скручивая бинты в маленькие тугие свертки и упаковывая их в ящики из самолета. Я выкладывала на стол большие рулоны темно-серого полотна, стараясь не думать о ранах, к которым оно однажды прикоснется. Китти начала с одного конца, я с другого. Через час заболели пальцы.

Мы работали молча, главным образом из страха перед сестрой Гильдебрандт – нам всем хотелось поговорить. Но когда она вышла по делам в столовую, девушки начали щебетать.

– Какая строгая эта сестра Гильдебрандт, – сказала наша соседка слева. На несколько лет старше нас с Китти, с соломенными волосами, веснушками на носу и большими, дружелюбными глазами. Улыбаясь, она сжимала губы, безуспешно пытаясь скрыть неровные зубы.

– Да, – согласилась я. – Не понимаю, раз она так ненавидит это место, зачем пошла добровольцем?

– Ее прошлое связано с этим местом, – ответила девушка.

– Что ты имеешь в виду?

– Мне рассказывала другая сестра, еще на континенте, – она перешла на шепот, – она бывала здесь раньше, очень давно. И случилось нечто ужасное.

– Что?

– Точно не знаю, какой-то скандал.

– Ты же не хочешь сказать, что она преступница! – воскликнула Китти.

Наша собеседница пожала плечами.

– Кто знает? Но я бы не рискнула с ней конфликтовать. Я Мэри, – представилась она, кивнув нам с Китти.

– Я Анна.

– А я – Китти.

Мэри положила в ящик очередной свернутый бинт.

– Что вас сюда привело?

Китти раскрыла рот, но я заговорила первой:

– Долг перед родиной.

Мэри ухмыльнулась:

– Ну да, все так говорят. Но почему вы на самом деле здесь? Все мы откуда-то бежим или чего-то ищем. Расскажите, что привело вас сюда.

Она посмотрела на мое кольцо – возможно, потому что я его теребила. Но на этот раз первой заговорила Китти.

– Анна была помолвлена, – начала она, но я тут же вмешалась:

– Я и сейчас помолвлена.

– Да, Анна помолвлена, но она отложила свадьбу, чтобы поехать со мной. – В знак благодарности Китти прижалась ко мне плечом. – Перед отъездом у меня была ужасная неразбериха в личной жизни. Мне нужно было сбежать.

– Мне тоже, – ответила Мэри, поднимая левую руку, – мой жених расторг помолвку. Просто пришел однажды и сказал, что не любит меня. Как же он сказал? – Она посмотрела на потолок, словно перебирая воспоминания. – Да. Сказал: «Дорогая, я люблю тебя, но не влюблен». Но и этого ему было мало – он заявил, что женится на моей лучшей подруге. Оказалось, что они уже несколько месяцев встречаются. Честно говоря, девочки, я чуть в психушку не загремела. Когда я немного пришла в себя и стала думать, что делать дальше, то поняла, что мне нужно уехать. Я была готова бежать на край света, лишь бы приглушить боль. Наша свадьба должна была состояться осенью, в отеле «Картрайт», в Сан-Франциско. Это было бы грандиозно, – вздохнула Мэри и опустила взгляд.

– Мне очень жаль, – посочувствовала я.

– Спасибо, – ответила она и начала работать над новой повязкой. – Сейчас мне уже гораздо легче об этом рассказывать. Мы планировали переехать в Париж, он собирался – то есть собирается – работать дипломатом. Мне не следовало в него влюбляться, – печально покачала она головой. – Мама была права: он для меня слишком красив. – Мэри пожала плечами. – И вот я здесь. А ты? – Она обратилась ко мне: – Любишь своего будущего мужа?

– Конечно, – решительно ответила я.

– Тогда почему ты здесь, а не с ним?

Почему я здесь, а не с ним? Так ли легко ответить на этот вопрос? Я ненадолго задумалась. Может, ищу приключений, как Китти? Или послушалась совета Максина и пытаюсь дождаться чего-то – или, боже упаси, кого-то, – прежде чем решить свою судьбу? Я покачала головой, отгоняя такие мысли. Нет, я здесь ради Китти. Все просто и понятно.

– Ради подруги, – ответила я, сжав руку Китти.

– Здорово, – восхитилась Мэри, – вам повезло, что вы вместе. У меня нет таких подруг.

Китти, щедрая душа, тепло улыбнулась Мэри:

– Мы можем ими стать.

Очаровательная улыбка Мэри обнажила ее неровные зубы.

– С удовольствием, – сказала она, укладывая в коробку очередной бинт. Мы успели сделать не меньше сотни. Подвиг невелик, но я гордилась нашим достижением. Гора бинтов в наш первый день на Бора-Бора. Мы что-то делали. Мы действительно жили.

* * *

В столовой, простом здании с длинными рядами столов, медсестрам было выделено два отдельных места. По мнению сестры Гильдебрандт, нам не следовало есть вместе с мужчинами. Но мы все равно следили за каждым их движением, а они – за нашим. Они сверлили нас взглядом, пока мы ели консервы и бобы.

– Отвратительная еда, – содрогнулась Мэри, насадив на вилку зеленую фасоль и подняв ее к свету. – Смотрите, просто какая-то окаменелость.

– Зато вернемся домой стройными, – улыбаясь, отметила оптимистка Китти.

Стелла и Лиз сели напротив нас, но после разговоров насчет Китти я делала вид, что их не замечаю.

– Так-так, – выразительно начала Стелла, указывая на угловой столик, где сидели трое мужчин, – вы только посмотрите!

Мэри и Китти, не зная о моей неприязни, повернулись посмотреть, в чем дело.

– Вылитый Кларк Гейбл[3 - Уильям Кларк Гейбл (1901-1960) – американский актер, кинозвезда и секс-символ 1930-1940-х годов, носивший прозвище Король Голливуда. Лауреат премии «Оскар» (1935).], – согласилась Китти. – Интересно, кто он?

- Его зовут Эллиот, - поделилась Стелла. - Капрал, который помог мне донести сумку, нас представил. Разве не прелесть?

- Точно, - кивнула Мэри, с трудом проглатывая консервы.

- Дело плохо, - сообщила Стелла, - говорят, в родном городе у него есть любимая женщина. Но она замужем.

Мы округлили глаза.

- А ведь мог бы иметь здесь успех. Но, по слухам, он часами сидит на койке и пишет дневник, мечтая о ней.

- Как романтично, - мечтательно протянула Китти.

Я кивнула:

- Мужчина, который так любит женщину, - большая редкость.

- Или большой дурак, - отрезала Стелла. Она продолжала болтать о своем плане завоевания Эллиота, пока я ковырялась в тарелке.

Я снова посмотрела на столик, за которым сидел этот парень, Эллиот. Он действительно напоминал Кларка Гейбла - симпатичный, с карими глазами и густыми черными волосами, кудрявившимися надо лбом. Но мое внимание привлек его сосед слева. Высокий, но не такой мускулистый, со светлыми, легкими волосами, загорелой кожей и веснушками.левой рукой он ел, а в правой держал книгу: он был поглощен чтением. Перевернув страницу, он поднял глаза. Наши взгляды встретились, и он улыбнулся. Я быстро опустила голову. Что на меня нашло? Я тут же пожалела, что нарушила приличия.

Я с трудом проглотила кусок тушенки, чувствуя, как горят щеки, и пытаюсь подавить рвотный рефлекс. Стелла заметила наши взгляды и с насмешкой на меня посмотрела, но я отвернулась, заставив себя сохранять выдержку.

* * *

Тропические ночи оказались приятнее, чем дни, несмотря на москитов. После заката воздух стал мягче. С моря тянулась прохладная дымка, соленый влажный ветер не иссушал кожу, а звезды в небе цвета индиго светили так ярко, что казалось – протяни руку и сможешь достать любую.

Мы с Китти отправились по дорожке из гравия в центр лагеря, чтобы присоединиться к вечернему веселью: она в желтом платье, я – в красном. Китти уговорила меня надеть что-нибудь поярче, и я в последний момент согласилась.

Идти было недалеко, примерно пять городских кварталов, но на каблуках расстояние казалось непреодолимым. Мы прошли лазарет, внутри горел свет. Сестра Гильдебрандт сейчас там? Мы быстро пронеслись мимо. Проходя казармы солдат, мы с Китти сделали вид, что не слышали свиста курящих снаружи мужчин.

Отойдя на безопасное расстояние, Китти дернула меня за руку.

– Смотри, – указала она на большой зеленый куст, усыпанный великолепными цветами.

– Они прекрасны. Как называется это растение?

Китти сорвала красный цветок.

– Гибискус, – ответила она, засунув цветок за правое ухо и протянув мне другой. – Во Французской Полинезии, если сердце занято, цветок носят за левым ухом, а если нет – за правым.

– Откуда ты это знаешь?

Китти улыбнулась:

– Знаю, и все.

Я посмотрела на огромный цветок, на измятые лепестки насыщенного темно-красного оттенка.

– Значит, положу за левое, – ответила я, послушно заправляя цветок за левое ухо.

– Какая прелесть, – восхитилась Китти, указав на импровизированный танцпол, – китайские фонарики!

Над танцполом были протянуты нити с маленькими белыми фонариками. Мужчины толпились по краям, перешептываясь, пока группы медсестер пересекали газон. Пять музыкантов вышли на сцену и начали настраивать инструменты, пока ведущий проверял микрофон.

– Хочу поприветствовать на нашем маленьком острове корпус медсестер, – начал он, – парни, окажите достойный прием!

Все закричали и захлопали, музыканты заиграли, но в первые секунды никто не двинулся с места.

– Что нам делать? – прошептала Китти. Ее дыхание коснулось моего плеча.

– Ничего, – ответила я, жалея, что не осталась в комнате. Лучше бы я почитала.

Стелла и Лиз сделали несколько шагов вперед, и за ними последовало двое мужчин с нагловатым видом.

– Вы подарите мне этот танец? – обратился к Стелле солдат с южным акцентом и развязной походкой. Второй робко подошел к Лиз. Обе девушки согласились.

– Ты посмотри, – сказала я Китти, – как быстро!

Но Китти была слишком растерянна. Я знала, кого она ждет. Вдруг к нам приблизился парень – вернее, к Китти. Я узнала его, он был утром на аэродроме.

– Я увидел ваш цветок, – заговорил он, манерно поклонившись. В присутствии Китти мужчины часто превращались в болванов. – Я Ланс, – представился он, протягивая ладонь, и Китти уступила, позволив ему запечатлеть на своей руке игривый поцелуй.

Я закатила глаза. Он был высокий и накачанный, с волосами каштанового оттенка, резкими чертами лица и жеманной улыбкой, которая сразу мне не понравилась.

– Я Китти.

Подруга явно была польщена. Ланс улыбнулся:

– Хочешь потанцевать?

Китти кивнула, и он увлек ее на танцпол. Я осталась одна. Музыканты играли неплохо – для такой-то дыры! Когда кларнет заиграл вступление к первой песне, у меня по руке побежали мурашки. Последний раз я слышала эту мелодию Гленна Миллера на лужайке у Годфри. На нашей помолвке. Я вздохнула, ощутив острый приступ одиночества. Мне было неловко и очень грустно. Я поправила платье, вытащила из волос выбившуюся шпильку и прикрепила ее на место. Где Мэри? Я огляделась, но вокруг были только странные мужчины, глазающие на меня. Слава богу, цветок в нужном месте.

Но один парень все-таки приблизился ко мне, не обратив внимания на кольцо и код цветка. Его рубашка была измята, и я услышала запах алкоголя, прежде чем он открыл рот.

– Потанцуем?

– Спасибо, – вежливо ответила я, – но нет. Думаю, я пропущу этот танец.

– Вы слишком красивы, чтобы стоять в стороне, – возразил он, – к тому же я устал от вахины. Хочу наконец потанцевать с американкой.

Он схватил меня за руку и потащил на танцпол.

– Знаете, – сказала я, испугавшись напора, – мне не хочется танцевать.

– Ерунда, – с улыбкой отмахнулся он. В его дыхании чувствовался кисловатый запах пива. Он явно перебрал.

Он прижался ко мне щекой, я почувствовала подбородком короткую щетину.

– Ты хорошенькая, – сказал он, когда оркестр заиграл вновь. Только не медленная песня. Его горячие, влажные руки легли на мое платье, а объятия были удушливы, но я заставила себя терпеть – мне не хотелось устраивать сцен. Придется дождаться конца песни.

Но, к моему ужасу, когда закончилась музыка, к нам приблизился другой мужчина, вероятно, друг моего партнера. Заиграла быстрая мелодия, и я оказалась зажатой между ними. Они вращали меня, передавая друг другу. Я скакала туда-сюда, словно мяч на резинке. Я в отчаянии пыталась найти глазами Китти и увидела ее в объятиях Ланса. Она выглядела счастливой и веселой. Не устраивать сцен. Я почувствовала на груди чью-то руку. Чью? Я оцепенела, хотя ноги продолжали двигаться. Другая рука схватила меня за талию, на этот раз – увереннее. Все вокруг завертелось, а может, вертелась я. Меня окружили мужчины. Разгоряченные, потные от густого, влажного воздуха. Я хотела крикнуть, но не смогла. А потом началась драка, послышался глухой удар. Кто-то упал на землю. Музыка остановилась, вокруг моего первого партнера собралась толпа. У него из носа текла кровь. Он потерял сознание.

Я пробралась сквозь толпу и вышла с танцпола, смущенно опустив голову. Я чувствовала себя виноватой, хотя не сделала ничего плохого. Я не хотела, чтобы меня преследовали, и бросилась по тропинке обратно к женскому корпусу, ускорив шаг, когда проходила мимо мужских казарм. Я вот-вот готова была расплакаться, ветер свистел в пальмовых ветвях над головой. Одиноким, чуждым, странным звук. Я скучала по ореховому дереву. По Сиэтлу.

Испугавшись шороха в кустах, я инстинктивно повернула к лазарету. Слабо освещенная тропа и ночной остров казались невероятно опасными без Китти. Китти! Я переживала, что ее бросила. Но скорее всего с ней все будет в порядке: Ланс выглядел надежным парнем. Или я в этом себя убедила.

Внутри горел свет, и я думала, что увижу за столом сестру Гильдебрандт. Но там сидел парень, тот самый, которого я видела за обедом в столовой.

Он улыбнулся, и я испуганно улыбнулась в ответ.

– Привет, – поздоровался он, – не пугайся. Мне просто нужна повязка. Думал, что найду здесь, но вижу, вы все как следует припрятали.

Я бросила взгляд на его кровоточащую руку и кинулась к коробке с бинтами, скрученными накануне.

– Вот, – сказала я, – давай, помогу.

Мне не следовало стесняться. Ведь я медсестра. А он пациент. Вокруг темнота, а я наедине с мужчиной. Но не стоит смущаться.

– Что произошло? – спросила я, прикладывая к ране марлю с медицинским спиртом.

Он вздрогнул, но продолжал улыбаться:

– А ты что, не видела?

– Что?

– Я не мог смотреть, как Ренди Коннорс обращался с тобой на танцполе.

– Ренди Коннорс? Обращался со мной? Прошу прощения...

– Что? Да он тебя всю залапал.

Он сказал правду, и я от стыда опустила голову. Солдат взял меня за подбородок и приподнял мое лицо.

– Поэтому я ему врезал как следует.

Я улыбнулась.

– Ах, – выдохнула я, пытаюсь держать себя в руках. Он заметил слезы в моих глазах? – Так это был ты. Я тебе очень благодарна.

– Не обижайся на парней, – ответил он. – Они месяцами не видели девушек вроде тебя, а кое-кто и подольше. Мы уже давно торчим на этом камне.

Я вспомнила слово, сказанное солдатом, – вахини. В его устах оно прозвучало грязно и грубо.

– А ты не знаешь, что такое вахини?

В его глазах мелькнул огонек:

– Знаю. Так называют женщин на таитянском.

Я кивнула:

– Эти мужчины могли не видеть женщин хоть целый век, не важно. Это не оправдывает их варварство.

– Не оправдывает. Поэтому я здесь сам по себе. Вокруг не так уж и много порядочных ребят. Тебе следует научиться вести себя иначе. Дома можешь прикидываться скромницей, рассчитывать на благородство и хорошие манеры. Здесь – нет. Тропики будят дикарей в каждом из нас. Остров ослабляет внутренние тормоза. Он меняет каждого. Вот увидишь.

– Ну, – пренебрежительно ответила я, накладывая на костяшки его пальцев повязку, как учила сестра Гильдебрандт, – я не верю, что человека может что-то изменить, если он сам этого не захочет. Ты когда-нибудь слышал о свободе воли?

– Конечно, – с веселым видом ответил мой собеседник, – я просто хотел сказать, в этом месте открываются наши скрытые стороны – то, что у нас внутри, наше истинное «я».

Я закрепила повязку алюминиевой скобкой и выдохнула.

– Не знаю, насколько хорошо, но я все сделала.

– Я Уэстри, – протянул он перевязанную ладонь. – Уэстри Грин.

– Анна Келлоуэй, – ответила я, осторожно пожав его руку.

– Еще увидимся.

Он направился к двери.

– Увидимся, – ответила я и вдруг заметила в его левой руке что-то красное. Когда за ним закрылась дверь, я потянулась к уху. Гибискус исчез.

Глава 4

– Во сколько ты вчера вернулась? – спросила я у Китти на следующее утро. Я рано проснулась и читала уже часа два, дожидаясь, пока она расшевелится.

Она посмотрела на часы и снова уронила голову на подушку.

– Поздно, – ответила она приглушенным голосом.

– Уже почти девять, – сообщила я, подумав, что нам очень повезло, что мы приехали на остров в пятницу, накануне выходного дня. – Я не позволю тебе проспать наш единственный выходной. Давай, одевайся!

Она зевнула и села на кровати.

– Неужели уже девять?

– Да, соня, – ответила я, направляясь к шкафу. Я хотела сходить сегодня на пляж, нужно надеть что-нибудь полегче.

Китти быстро вскочила.

– Надо поторопиться, – заявила она. – Ланс обещал свозить меня в город.

Я сразу расстроилась, и Китти это заметила.

- Поехали с нами, - предложила она. - Он пригласил и тебя.

- Быть третьей лишней? Ну, уж нет. Езжай одна.

Китти покачала головой, расстегнула ночную рубашку, и та упала на пол, обнажив две идеальные полусферы груди.

- Поехали с нами, Стелла и Эллиот тоже едут. Ланс возьмет джип.

- Что? - изумилась я. - Как она его затащила?

- Не она. Ланс.

Я закрыла шторы, чтобы спрятать нагое тело Китти от жадных взглядов.

- А еще кто-нибудь поедет?

Я подумала о Уэстри.

- Думаю, нет, - ответила Китти, заглядывая в шкаф. - Погоди, у тебя кто-то есть на примете?

Она как будто меня поддразнивала. Я покачала головой:

- Просто я вспомнила о Мэри.

Китти не отрывалась от шкафа.

- Я ее вчера не видела, а ты?

- Я тоже, - ответила она, вытаскивая зеленовато-голубое платье с коротким рукавом. - Как тебе это?

– Красивое. – Наряды Китти волновали меня куда меньше, чем безопасность нашей новой знакомой. – Может, поговорить с сестрой Гильдебрандт и убедиться, что с Мэри все в порядке?

Китти пожала плечами, разглядывая пару желто-коричневых туфель на каблуке.

– Да или нет?

– Нет, надень голубые. Потом скажешь мне спасибо.

Она застегнула бюстгальтер и скользнула в белую шелковую комбинацию, а потом начала натягивать платье.

– Расскажи о Лансе, – осторожно попросила я, помогая ей с застежкой. – Он тебе нравится?

– Да, – ответила Китти, хотя в ее голосе мне послышалась нотка сомнения. – Он замечательный.

– Ты вчера танцевала с полковником? – поинтересовалась я, вытаскивая из шкафа простое коричневое платье.

Китти кивнула:

– Да, это было чудесно. Ланс был не слишком доволен, но не мог спорить со старшим по званию.

Я посмотрелась в зеркало на стене. От утренней жары мои щеки порозовели, а волосы казались тусклыми. Влажность победила. Я пожала плечами и закрепила их на затылке. Все равно надену шляпу.

– Готова? – спросила Китти, хватая сумочку.

Я оглядела подругу. Щеки в отличие от моих не покраснели, а лишь слегка порозовели. Волосы вились пуше прежнего – Китти элегантно заколола их набок.

Тропики были ей к лицу.

- Готова, - ответила я, направившись за ней к двери.

* * *

Ланс вел машину слишком быстро. Но это мало заботило Китти - она с радостным видом расположилась впереди, а Стелла, Эллиот и я теснились сзади, словно огурцы в одной из банок Максина. Мои бедра стали влажными от горячего тряпичного сиденья, я придерживала шляпу, а Ланс все давил на газ. Неровная, засыпанная гравием дорога, опоясывающая остров, была не для слабонервных. Поднялась густая пыль, и я жалела, что не захватила шарф.

- Сначала в центр, - объявил Ланс, словно заправский гид, - а потом - на пляж.

Китти восторженно взвизгнула, а Стелла посмотрела на Эллиота, чей взгляд был сосредоточен на дороге.

- Ты часто бываешь в городе? - ласковым голосом спросила она.

Он не ответил.

- Я СПРАШИВАЮ, - повторила Стелла на этот раз громче, пытаюсь перекричать мотор, - ТЫ ЧАСТО БЫВАЕШЬ В ГОРОДЕ?

Эллиот посмотрел на нас, сначала испуганно, потом смущенно, словно не мог понять, которая из нас к нему обратилась и почему мы так кричим.

- Нет, не часто, - коротко ответил он и снова уставился на дорогу.

Стелла надулась и скрестила руки на груди. В воздухе витал неизменный запах соли, а также влажной после дождя земли вперемешку с каким-то незнакомым сладковатым цветочным ароматом.

- Вон, видите? - произнес Ланс, указав на огороженный забором участок слева. Он замедлил ход, и я была рада отпустить шляпу хоть на несколько мгновений -

рука уже начинала болеть.

- Плантации ванили. Почти всю ваниль в мире производят на этом острове.

Я сомневалась в правдивости этих слов, подозревая, что Ланс просто пытается произвести впечатление на Китти, но возможность увидеть настоящую, действующую плантацию ванили была весьма увлекательной. Я подумала о Максин. Счастлива ли она, проживая день за днем в Уиндермире, редко слыша от моих родителей что-либо кроме «спасибо, Максин» или «больше ничего, Максин»?

- Плантацией владеет американец, - продолжил Ланс, - он женился на островитянке.

Стелла сделала страшные глаза:

- Я думала, они все каннибалы.

Эллиот оторвался от дороги и многозначительно посмотрел на меня, прежде чем снова уйти в себя.

Ланс двинулся дальше. По краям дороги под сочными зелеными пальмами стояли деревянные домишки. Периодически мы замечали петуха, или курицу, или голого ребенка перед одним из строений, но взрослых видно не было - а мне не терпелось посмотреть на аборигенов, о которых говорила сестра Гильдебрандт.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Аллюзия на название романа английской писательницы Джейн Остин «Гордость и предубеждение», вышедшего в свет в 1813 г. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания редактора.)

2

Во время Второй мировой войны после атаки японской морской авиации на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 года Бора-Бора стал важной базой снабжения США в южной части Тихого океана. Тем не менее во время войны база ни разу не подвергалась атаке и в 1946 году была расформирована.

3

Уильям Кларк Гейбл (1901–1960) – американский актер, кинозвезда и секс-символ 1930–1940-х годов, носивший прозвище Король Голливуда. Лауреат премии «Оскар» (1935).

Купить: <https://tellnovel.com/sara-dzhio/solenyy-veter-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)